

РЕЦЕПЦИЯ КНИГИ «ФЕДОР СОЛОГУБ» МАРИИ САВЕЛЬЕВЫ

THE RECEPTION OF THE BOOK
"FEDOR SOLOGUB"
BY MARIA SAVELIEVA

Tang Jing

Summary. Fyodor Sologub is one of the brightest, most mysterious and enigmatic representatives of Russian symbolism. Writer chose the craving for death as the main theme in his works. Many contemporaries called Sologub "sadist", "maniac" or "psychopath", as if ignoring the fact that all his texts were written in search of another beautiful reality for consolation. This article aims to explore the book of candidate of philological Sciences, literary critic Maria Savelieva, which considers the theme of death in the works of the poet as an abstract image, which is designed to comfort and take frightening, not to build death into a cult.

Keywords: Fyodor Sologub, Maria Savelyeva, reception, Russian symbolism.

Тан Цзин

Аспирант, Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
anfisa.tan@me.com

Аннотация. Федор Сологуб является одним из ярчайших, наиболее таинственных и загадочных представителей русского символизма. Основной темой своего творчества писатель выбрал тягу к смерти. Многие современники называли Сологуба «садистом», «маньяком» или «психопатом», как будто игнорируя то, что все его тексты были написаны в поисках иной прекрасной реальности для утешения. Данная статья ставит целью исследовать книгу кандидата филологических наук, литературного критика Марии Савельевы, которая рассматривает тему смерти в произведениях поэта как абстрактный образ, который призванный утешить и отвести пугающие, а не возвести смерть в культ.

Ключевые слова: Федор Сологуб, Мария Савельева, рецепция, русский символизм.

Одним из известных представителей русского символизма стал писатель, драматург, публицист Федор Сологуб (Федор Кузьмич Тетерников). Он относится к числу самых необычных и загадочных деятелей Серебряного века. Ключевой темой его творчества выступала тяга к смерти, а также мрачный и пессимистичный взгляд на окружающую среду. Современные писатели критики очень часто в своих трудах называли Сологуба «маньяком» или «психопатом», не обращая внимания на то, что все его работы этого автора были написаны с целью поиска утешения, в другой, прекрасной реальности. По мнению Марии Савельевой, которая в свою очередь является литературным критиком, кандидатом филологических наук, на протяжении многих лет «смерть-утешительница» была для Федора Сологуба только абстрактным образом, отгоняющий от писателя разные пугающие мысли. Как отмечала А. Блок, главный роман, написанный Ф. Сологубом «Мелкий бес», привлек внимание «всей читающей России». Немного позже, в советские годы, к сожалению, творчество этого писателя было забыто. Биография Ф. Сологуба позволяет понять, насколько увлекательными и нетипичными для русской литературы были его темные сказки.

Федора Сологуба не следует относить к числу забытых авторов. Даже в советские годы публикации о нем проникали в академическую печать (см. работы Л. Долгополова, И. Ямпольского, А. Лаврова, И. Смирнова, Н. Пустыгиной, Л. Силард, М. Любимовой), не говоря уже о десятках фундаментальных исследований двух послед-

них десятилетий. Отдавая должное предшественникам и коллегам, М. Савельева видит свою задачу в том, чтобы «бережно и тактично осмыслить» известные факты, «дополнив их новыми архивными изысканиями, которые касаются не только творческой биографии Ф. Сологуба, но и его быта, эпохи и окружающих его людей» [2, 8].

После того как писатель умер в 1927 г. в Ленинграде, к большому сожалению его имя было очень быстро забыто любителями русского литературного творчества. В советские годы были предприняты попытки лишь единичного переиздания его произведений. И лишь в годы перестройки некоторые произведения Ф. Сологуба были возвращены в читательский обиход. Однако в наше время творчество этого автора воспринимается читательской аудиторией в качестве дополнения к известным книгам определенных современников и учеников Федора Сологуба. В связи с этим, по мнению Марии Савельевой, ее ключевая задача заключается в том, чтобы отметить реальное место этого писателя в контексте литературы его времени.

Намного страшнее отслеживать развитие ключевой темы Ф. Сологуба, рассматривая биографию этого автора. Он стал известным литературным деятелем в достаточно зрелом возрасте, и его современники очень часто упоминают о том, что Сологуб, словно никогда не был молодым и выступает олицетворением вечного седого колдовства. Скорее всего другое: в душе он на протяжении длительного периода времени оставался ребенком,

который воспринимал страшные сказки о смерти в качестве метода подстегнуть личное воображение.

Еще ни одному человеку не удавалось жить рядом со смертью. Такое восприятие смерти как у нас может быть наилучшим примером для иллюстрации «остранения» по Шкловскому [4]. Являясь одним из самых распространенных и обыденных явлений, она в некоторых случаях может поражать человека своей близостью. Смерть нельзя «узнать», с ней невозможно свыкнуться — можно только каждый раз при встрече с ней, удивляться ей.

Ф. Сологубу, казалось бы, удалось затереть свою Смерть до дыр. Однако здесь и выявляется сильный разрыв между фантазией и фактической реальностью, по мнению писателя — «творимой легендой» и «дебелой бабищей» — жизнью. И в тот момент как Федор Сологуб столкнулся со своей смертью лицом к лицу, писатель не смог встретить ее так легко, как готовился к ее приходу на протяжении многих лет своей жизни.

Отметим, что это совсем не обесценивает его произведения и творчество в целом. Любой из творческих актов данного автора был замечательным сном, который забирал поэта из оков жизни. Однако одновременно он был и обманом себя, как и безответная любовь мещанской девушки Шани в его книге «Слаще яда». Творчество Федора Сологуба имело совершенно необычную форму для степенной и благообразной литературы, создаваемой русскими писателями. Жизнь автора оказалась по данной причине драматичной. Это путь человека, который на протяжении многих лет призывал смерть. Это полужизнь, которая породила плоды, выходящие за рамки реальности, литературу других миров. Как отмечал Г. Адамович, стихотворные произведения Ф. Сологуба — будто «не человеком написаны, а каким-то неведомым, существом, случайно к нам залетевшим».

Появление данной книги — лучшее опровержение слов ее главного героя: «Вот уж биографии моей никто не напишет» [2, 6]. Взаимосвязь жизни и творчества писателя, раскрываемая исследователем, выглядит полной и убедительной. Это проявляется в истории с изнасилованием служанки, вошедшей в роман «Тяжелые сны»; в разговор об основном прототипе учителя-садиста Передонова из произведения «Мелкий бес»; в характеристике поэтического сборника «Одна любовь», посвященного чувству писателя к Анастасии Чеботаревской. Безусловно, следует обратить внимание на то, что Савельевой не принадлежит открытие многих биографических фактов Сологуба, однако проделанная ею систематизация и выводы будут интересны читателю.

Может возникнуть ощущение, что книга ориентирована не сколько на специалиста в области литературы,

сколько на обывателя. Так, в сноске на стр. 131 читаем: «Фамусов и Загорецкий — персонажи комедии А. Грибоедова “Горе от ума”». По меньшей мере, неполной представляется характеристика Федора Батюшкова, крупного историка литературы и ближайшего ученика Александра Веселовского, только как «критика и театрального деятеля» [2, 150]. Помимо этого в книге можно найти малоизвестные факты биографии Сологуба, что привлекло внимание молодого Сергея Эйзенштейна, нарисовавшего эскизы декораций и костюмов к пьесе «Ванька Ключник и паж Жеан» в 1920 году. Упоминается имя поэта Александра Кондратьева и даже сообщаются стиховедческие заслуги Сологуба, возобновившего на сложную поэтическую форму триолета в русском литературном мире. Таким образом можно сделать однозначный вывод что, книга Савельевой в полной мере соответствует жанру научно-популярной биографии. Образовательно-просветительские задачи не препятствуют ее концептуальности, что проявилось в освещении ключевых вопросов жизни и творчества Сологуба.

Обращение к главной теме творчества Сологуба — стремлению к смерти позволило Марии Савельевой раскрыть личность писателя и избежать крайностей биографизма: «Сколько бы критика ни упрекала Сологуба-писателя в любовании смертью бесчисленных мальчиков и девочек, в том, что он описал целое “кладбище несуществующих детей-самоубийц”, одной из основных нот его публицистики были жалость и любовь к детям» [2, 71].

Тема детства составляет значимый тематический пласт в жизни и судьбе Федора Сологуба, который уделял ей большое внимание. Анализируя его, Савельева затрагивает педагогические взгляды писателя, критиковавшего устаревшую систему образования и мечтавшего о всеобщем обучении. Федор Сологуб считал, что воспитание детей должно быть делом родителей, а не учителей, и удивлялся, «почему в школе воспитанникам запрещают курить, если сами педагоги курят» [2, 16].

На протяжении своей жизни Ф. Сологуб был очень тесно связан с детьми. Он некоторое время был учителем, а после инспектором училища. Сологуб много писал о детях, некоторое время занимал должность председателя детской секции, которая не была признана советской властью Всероссийского союза писателей. Судя по многим воспоминаниям современников, Ф. Сологуб чутким и замечательным педагогом. Однако в связи с этим появляется вопрос: как в подобном случае могла выйти в свет садистская статья Ф. Сологуба получившая название «О телесных наказаниях»? Эта статья была написана Сологубом еще в 1890-е г., но публиковалась она только после того, как автор ушел из жизни [3]. Как считал Сологуб, «детей нужно пороть — и учи-

телям, и родителям, и нянькам, гувернерам, сторожам, товарищам — старшим и младшим, и в гостях их надо пороть, даже городовым на улицах следует иметь при себе розги». Однако подобный эпатирующий взгляд на предметы, который был высказан автором в финале его статьи, является противоречивым ее общему духу. Автор утверждал, что воспитатель, который наказывает ребенка, не должен быть злым, он, в первую очередь должен, обязан давать ребенку указания, утешая его тем самым, что посредство наказания можно искупить свою вину. Следовательно, человек с розгами должен быть хорошим педагогом. Согласно принципам христианства, как Ф. Сологуб понимал его при жизни, телесные страдания должны способствовать закалке души ребенка и физической выносливости.

В описании отношений Сологуба с женщинами отчетливо проявилась этическая позиция биографа, которому не всегда удобно цитировать интимные письма и подглядывать за их авторами (с. 100). Стоит отметить, что патриотические выступления и труды Сологуба получили слабое распространение, в первую очередь потому, что их нельзя объективно отнести к вершинам его творчества. Однако каждый раз, в случае накала политической ситуации в государстве, Ф. Сологуб не оставался в стороне, и автору каждый раз приходилось дистанцироваться от сложившегося образа отшельника-декадента. С началом войны между Россией и Японией и в период революции 1905–1907 гг. Федор Сологуб смог удивить всех своим патриотизмом, который им понимался только как любовь к своему родному краю. Но такие настроения не помешали ему критически относиться к действующей власти.

Вопреки сложившемуся мнению о чуждости Сологуба социальной проблематике Савельева показывает,

что общественно-политические вопросы занимали писателя, который стал ярким патриотом с начала Русско-японской войны и во время революции 1905–1907 годов, не мог приветствовать большевиков, но, чтобы выжить, «пытался подладиться под стиль новой власти» [2, 204], однако в творчестве не был способен на то, чтобы всемирное сделать интимным [2, 185].

Ф. Сологуб являлся истинным символистом, который видел в войне между Россией и Японией не только политическое событие. Он видел и знак — борьбу нескольких миров и 2-х моральных форм, христианства и буддизма. Как считал Сологуб, «жизнь является осмысленным существованием во имя благой цели». Буддизм представляет ее в качестве цепи страданий, в которую лучше всего не вступать, а родившись, самое верное будет, умереть поскорей.

Усилиями биографа, пытавшегося понять, какие поступки Сологуб «совершал из позерства, а что было органически заложено в особенном строе его души» [2, 6], создан довольно цельный и вместе с тем многомерный образ писателя. С одной стороны, он напрочь лишен глянца (Сологуб предстает человеком подозрительным, склочным и обидчивым, с садомазохистскими наклонностями, привитыми еще в детстве, неуверенным и одиноким), а с другой — книга написана если не с любовью, то с уважением к герою и не имеет ничего общего с его автобиографией. В настоящее время Сологуб, некогда популярный во всех слоях общества, забыт массовым читателем, а его тексты не входят в обязательную школьную программу, труд Савельевой способен пробудить интерес к автору, в чем-то «предвосхитившему русский постмодернизм» [2, 231] и мечтавшему о том, что «когда-нибудь российский читатель еще станет духовно, политически и культурно свободным» [2, 233].

ЛИТЕРАТУРА

1. Павлова М. Писатель-Инспектор: Федор Сологуб и Ф. К. Тетерников. М.: Новое литературное обозрение, 2007. — 512 с.
2. Савельева М. С. Федор Сологуб. М.: Молодая гвардия. 2014.
3. Смиренский В. В. <Воспоминания о Федоре Сологубе и записи его высказывай> // Неизданный Федор Сологуб. М.: Новое
4. Шкловский В. Б. Тетива: О несходстве сходного. — М.: Советский писатель, 1970. — С. 230.

© Тан Цзин (anfisa.tan@me.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»